

Пётр Николаевич Краснов

Мантык, охотник на львов

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

Пётр Николаевич Краснов

Мантык, охотник на львов / Пётр Николаевич Краснов – М.: Книга по Требованию, 2011. – 172 с.

ISBN 978-5-4241-1967-5

Краснов Петр Николаевич (1869-1947), профессиональный военный, прозаик, историк. За границей Краснов опубликовал много рассказов, мемуаров и историко-публицистических произведений.

ISBN 978-5-4241-1967-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Таинственное завещаніе

I

ГАЛИНКИНЫ СНЫ

Это была совѣтъ маленькая комната очень скромнаго отеля. Комната на шестомъ этажѣ узкаго высокаго дома, точно сѣрая башня вытянувшася вверхъ надъ маленькими темными сараями, складами и гаражами окраинъ Парижа. Внизу — вѣчный сумракъ дыма, копоти и пыли, духота, вонь автомобилей, угольная мгла, лязгъ желѣза и грохотъ грузовиковъ, вверху — изъ окна — бездонное, вѣчно красивое, непрерывно мѣняющееся небо, широкій видъ на Парижъ, и, въ легкой дымкѣ воздушнаго марева, сквозная, какъ полоска кружева, Эйфелева башня. Ночью, на темномъ фонѣ неба, надъ фонарями бѣгущихъ внизу улицъ, она сверкала наглыми пестрыми огнями яркой рекламы:

— Ситроень!.. Ситроень!..!

Въ комнатѣ очень тѣсно. Одно окно безъ занавѣски. Хозяинъ считалъ лишнимъ ее вѣшать, когда окно глядитъ въ безпредѣльную даль. Широкая французская кровать. Въ одномъ углу умывальникъ, въ другомъ, за занавѣской изъ дешеваго ситца, на ивовой корзинѣ, привезенной изъ Россіи и старомъ, сильно потертомъ чемоданѣ узенькій матрасикъ и желтосѣрое, истрепанное, англійское солдатское одѣяло — скромная, бѣдная постель. А за тѣмъ — крошечный столикъ, на которомъ всегда лежала какая-нибудь работа: - чулки для штопки, чья-нибудь рубашка, блузка, или штаны, катушки съ нитками, шерсть, ножницы, и два соломенныхъ, простыхъ стула, такихъ, какіе привозятъ на баркахъ и продаютъ прямо на улицахъ. Все говорило о бѣдности. Но всегда въ этомъ маленькомъ номерѣ были порядокъ и чистота, за этимъ слѣдили жильцы — Ладогины.

Ихъ трое: — «мамочка» — Наталья Георгіевна Ладогина, ея дочь Галинка и братъ Галинки — Коля. Это онъ-то и спалъ на постели, сооруженной на корзинѣ съ чемоданомъ.

Сѣрый, дождливый октябрьскій вечеръ. Галинка одна, больная, въ легкомъ жару, лежитъ на краю широкой кровати. Шумъ города, трескъ, лязгъ, гудки, звонки, — непрерывной, томящей музыкой плывутъ въ комнату и навѣвають Галинкѣ тревожные, безпокойные сны. Иногда она просыпается и тогда ея думы сливаются со снами и она сама не знаетъ, гдѣ сонъ, гдѣ мысль, гдѣ явь.

Въ комнатѣ темно. Окно сѣрымъ пятномъ выдѣляется на стѣнѣ. За нимъ мигаютъ, переливаются огни Эйфелевой башни. То расцвѣтятся, распустятся пестрой, сверкающей цвѣточной гирляндой, то покроютъ ее нѣжными золотыми вѣвочками изъ листьевъ, то закричатъ, большими буквами: — «Ситроень!.. Ситроень!..» и тогда станутъ жутко Галинкѣ. Точно давить на мозгъ это страшное, непонятное ей слово рекламы, точно говорить Галинкѣ о многихъ тысячахъ рабочихъ, стоящихъ въ этотъ сумрачный вечеръ у раскаленныхъ фабричныхъ печей и мѣрно жужжащихъ станковъ.

Не стихая мигаютъ огни... Настоящій кошмаръ... Въ окна бьетъ холодными струями осенній дождь. Впереди долгій вечеръ и одинокая ночь. Мамочка придетъ не скоро. Она сегодня дежурная въ ресторанѣ, гдѣ она служить... Мамочка придетъ усталая и сейчасъ же станетъ хлопотать, готовить Галинкѣ чай,

разогрѣвать что-нибудь на ужинѣ, а потомъ спустить внизъ съ потолка электрическую лампочку и станеть чинить и штопать до утра.

Бѣдная мамочка!

Какъ хорошо все это было во снѣ, такомъ странномъ и чудесномъ, гдѣ совсѣмъ, какъ въ сказкѣ, на помощь мамочкѣ явился котъ Маркизь, сѣрый, пушистый, въ черныхъ полосахъ котъ консержки² ихъ отеля, мадамъ Булэ. Ахъ, какъ онъ былъ милъ! Объ этомъ Галинка непременно расскажетъ Колѣ... Можетъ быть л мамѣ, если мама ее станеть слушать. Мама не повѣритъ, что это можетъ быть, Коля посмѣется и повѣритъ, сдѣлаеть видъ, что повѣритъ и помечтаеть вмѣстѣ съ Галинкой.

Милый Коля!

Галинка прислушалась. Она, въ часы своего одинокаго ожиданія, научилась среди уличныхъ шумовъ различать шаги по отельной лѣстницѣ. Она знала усталые, медленные шаги матери, и легкій бѣгъ, черезъ двѣ ступеньки, на шестой этажъ, Коли.

Галинка приподнялась на подушкѣ. Да, конечно, это Коля! Она поправила волосы. На худенькомъ и блѣдномъ лицѣ ея горѣлъ лихорадочный румянецъ. Двѣ толстыя, русыя съ золотистымъ отливомъ косы — гордость Галинки, вѣнкомъ легли по подушкѣ. Глаза заблестѣли. Сейчасъ она все расскажетъ Колѣ. Такъ это будетъ интересно!

Коля ввелъ свой велосипедъ въ комнату сторожихи отеля «Селектъ», госпожи Булэ, приласкалъ подымавшагося ему навстрѣчу и колесомъ выгнувшего спину кота Маркиза, пожелалъ госпожѣ Булэ добраго вечера и помчался наверхъ къ Галинкѣ. Онъ зналъ, что сестра одна, что она не здорова, что мамочка вернется поздно и торопился чрезвычайно. Ноги едва касались ступеней. Сначала лѣстница была мраморная, покрытая когда то краснымъ, теперъ ставшимъ бурымъ, изорваннымъ старымъ ковромъ, потомъ она была деревянная и вилась изъ этажа въ этажъ косыми, скользкими ступенями. Коля бѣжалъ по ней чуть прирагиваясь рукою периль, шагая черезъ двѣ и три ступеньки.

«Хоть на Эйфелеву башню могу взбѣжать такъ», — горделиво думалъ Коля. — «Да что на Эйфелеву башню! На самый МонъБланъ!.. Ну, на МонъБланъ, можетъ быть, придется и потише идти»...

Колѣ пятнадцать лѣтъ. Жизнь закалила его и укрѣпила. Онъ средняго роста, очень стройный и худошавый мальчикъ съ недѣтской серьезностью въ глазахъ. Онъ второй годъ служить ответственнымъ посыльнымъ въ французской конторѣ господина Дарсонвиль... Его тамъ очень цѣнятъ за его аккуратность и честность. Сегодня онъ попросилъ отпустить его раньше. Ему хотѣлось помочь больной Галинкѣ.

Онъ одной рукой отворилъ дверь, другой повернулъ выключатель, и сразу-и свѣтъ и радость видѣть брата вошли къ Галинкѣ. Не стало видно безпокойнаго мерцанія огней Эйфелевой башни и ушли больные кошмары. Впрочемъ одинъ остался. Очень хотѣлось Галинкѣ рассказать о немъ Колѣ...

Коля вошелъ бодрый и веселый...

— Подожди!.. Я холодный... и мокрый, — говорилъ онъ, копошась за занавѣской.

Галина слышала, какъ тамъ шуршала бумага. Хитрый Коля! Что то принесъ...

Коля высунулся въ свѣжей синей рабочей курткѣ, съ румяными, еще влажны-

ми отъ сырости щеками и живо разжегъ примусъ съ голубымъ пламенемъ, поставилъ чайникъ, и разложилъ на тарелкѣ хрустящія подковки, настоящіе парижскіе круассанчики.³

— Коля! Какой расточитель! Мои любимыя подковочки! Подойди ко мнѣ... Дай я тебя поцѣлую...

— Постой ты, Галина, со своими бабскими нѣжностями. Напьемся раньше чаю... И я согрѣюсь немного. Адская погода сегодня! Дождь такъ и сыплеть... Ъхать по асфальту скользко. Того и гляди сверзишься на сторону. Чаю то хочется?

— Не знаю... что то не хочется.

— Что то не хочется! — передразнилъ сестру Коля. — А если съ лимономъ? Вѣдь хорошо? А?

— Съ лимономъ? А ты принесть?.. Подумаль?

— Подумаль... Нѣтъ, — честно сознался Коля. — Мамочка говорила, что тебѣ съ лимономъ, или съ клюквой хорошо... Да гдѣ клюквуто достанешь? Ты, поди, и не знаешь, что такое клюква?

— Нѣтъ, Коля... Гдѣ же мнѣ знать-то? — вздохнула Галина. — Мнѣ было два года всего, когда я уѣхала изъ Россіи.

Коля налилъ чашку, подвинулъ къ постели сестры стулъ и поставилъ на него тарелку съ подковкой и чашку съ чаемъ, а самъ устроился подлѣ стула, на полу.

— Вотъ ты, и мамочка тоже все возитесь, хлопочете... Цѣлые дни... У мамочки и ночью работы, работы... Просто безъ конца... Ужась, какъ жалко смотрѣть...

— Да, мамочку очень жалко, — сказалъ тихо Коля.

— Ну и вотъ... видишь-ли...

— Ничего, покамѣсть, не вижу.

— Ахъ не перебивай, пожалуйста... Это скучно. Ты знаешь, что мнѣ сегодня приснилось?

— Откуда же мнѣ знать, когда меня весь день не было дома.

— Ты понимаешь, Коля, мнѣ ужасно больно, что я маленькая... а теперъ еще и больная... что я должна учиться... Что я... не могу помогать бѣдной мамочкѣ...

— Подростешь... Будешь и помогать, — спокойно сказалъ Коля.

— Сегодня я проснулась рано... Очень рано. Совсѣмъ было темно. Но я уже знаю: — утро. Когда утро, — по иному горять огни въ городѣ и не шумить подземная дорога. Вижу: — мамочка встала. Тихо, чтобы насъ не разбудить, закрыла лампочку отъ меня синей бумагой. Зажгла ее. Лампочка загорѣлась не ярко, по утреннему тускло. Будто и она усталая. Мамочка присѣла въ углу на стулъ. Вижу я: — очень усталая мамочка. Еле двигается. Зѣваетъ.

Не выспалась, бѣдная. Взяла мои чулки, бѣлье, сидитъ, иглой водить... Читить... штопаеть. Долго работала такъ... А я гляжу, чуть щелочками глаза приоткрыла, слѣжу за мамочкой. Кончила она работу и сейчасъ — примусъ разожгла и стала прибираться, пыль стирать. Сама въ туфляхъ, тихая, ходить, едва замѣтно и все что нибудь дѣлаеть... А ей, я знаю, впереди цѣлый день работы въ ресторанѣ. Посуду мыть, подавать, накрывать... Ужась, какъ мнѣ стало жалко мамочку! И вотъ, представь себѣ, съ этими моими мыслями я, должно быть, заснула... Да, нѣтъ... не заснула я, а такъ мнѣ представилось... Ты понимаешь, ужасно это странно вышло. Будто я опять лежу, такъже прищуривъ глаза, наблюдаю... опять утро... Только совсѣмъ другое утро. И мамочка еще не

вставала, а такъ сладко, сладко спать. Въ комнатѣ темно. Окно едва сѣрѣетъ. Внизу прогудѣлъ первый поѣздъ подземной дороги. Я знаю: — значить пять часовъ. Очень рано. И такъ тихо, тихо приоткрывается дверь. Чуть слышно. И входить... котъ.

— Какой котъ? — спросилъ Коля.

— Котъ мадамъ Булэ — Маркизь. Сѣро-зеленый, въ черныхъ полосахъ, очень пушистый... Только... ты слушай... Онъ совсѣмъ необыкновенный былъ котъ... Такой большой, какъ ты... Нѣтъ... встань пожалуйста. Я очень тебя прошу... — капризно протянула Галина.

Коля покорно всталъ.

— Да... пожалуй, чуть-чутько побольше тебя. Ну, знаешь, совсѣмъ необычайный котъ. И ничуть даже не страшный. Такой ласковый. Знаешь, вошелъ... и, какъ мама, сейчасъ же синей бумагой лампочку завѣсилъ и лапкой штепсель повернулъ, свѣтъ открылъ. Быстрый такой... Сѣлъ на стулъ. Какъ человѣкъ... Хвостъ спустилъ сбоку, разобралъ мамину работу и сталъ шить и чинить. Прямо, знаешь, удивительно, какъ онъ все дѣлалъ. Нитку зубами скусилъ и опять проворно лапками работаетъ. И все мурлычетъ... А мамочка сладко, сладко спать.

Галинка размѣялась отъ радости. Она выпила чашку чая, оставила ее на стулѣ и продолжала:

— Ну и знаешь, я все наблюдаю за нимъ, а онъ, кончилъ, значить, шить, сложилъ работу и за примусъ принялся, кофе готовить. Примусъ разжегъ и сталъ комнату прибирать, пыль снимать, и все такъ мягко, такъ тихо.

— Это тебѣ все приснилось. Читала тебѣ въ воскресенье мамочка «Руслана и Людмилу» Пушкина:

«И днемъ и ночью котъ ученый Все ходитъ по цѣпи кругомъ. Идетъ направо — пѣснь заводитъ, Налѣво — сказку говорить»...

Помнишь? Вотъ тебѣ и приснился такой ученый котъ.

— Ахъ нѣтъ, да нѣтъ же, Коля! Ну, какъ ты не понимаешь! Ужасно было странно. Такъ странно, ты и представить себѣ не можешь. Ну, знаю же, что это все во снѣ, а въ то же время — такъ ясно, будто и правда вижу настоящаго кота... Ну вотъ, проснулась, и думаю. Все тебѣ расскажу. И какъ думала, что надумала? А вдругъ и правда можно такъ научить кота? Помогаютъ же собаки телѣжки возить, помнишь, мы на рынкѣ видѣли? А лошади? Всю жизнь человѣку служить. И пашутъ, и боронятъ, и машины возять... А кошка, она чистоту любить — вотъ и ее научить... Какъ чисто прибирала бы комнаты: гдѣ хвостомъ, гдѣ лапочкой, гдѣ язычкомъ — Галинка весело размѣялась.

— Глупости, Галинка, говоришь.

Но Галинка не слушала брата. Она не по дѣтски вздохнула и печально сказала:

— А какъ мамочкѣ то легче бы тогда стало, если бы и правда Маркизь приходилъ ей помогать.

Коля взялъ чашку Галинки, вымылъ ее и снова сталъ наставлять на примусъ чайникъ. Галинка слѣдила за нимъ съ постели. Глаза ея заблестѣли. Она посмотрѣла, какъ Коля раскладывалъ на тарелкѣ подковки и догадалась: — гости будутъ.

— Коля, — тихо позвала она брата. — Дѣдушка Мантыкъ придетъ, правда? Коля, молча, кивнулъ головой.

Самой большой радостью для Галинки и Коли было, когда къ нимъ приходили Мантыки — дѣдъ со внукомъ. Съ Мантыками Ладогини познакомились на пароходѣ, когда уходили изъ Россіи. Въ давкъ и суматохѣ Наталья Георгіевна съ двухлѣтней Галинкой, съ еще маленькимъ Колей, съ вещами — корзиной, старымъ чемоданомъ, узлами и чайниками совсѣмъ пропала бы. Наталья Георгіевна и вещи растеряла бы и дѣтей не знала бы, куда устроить, если бы вдругъ подлѣ нея, на сходнѣ, не оказался кряжистый, крѣпкій старикъ въ измятомъ англійскомъ френчѣ⁴ со старыми серебряными погонами съ двумя малиновыми выгорѣвшими полосками и въ синихъ шароварахъ съ лампасами такого же блекло малиноваго цвѣта. Старикъ взялъ Наталью Георгіевну крѣпко за руку и сказалъ сурово:

— Вы стойте, барынька, стойте. Все устрою, все оборудую... Абрамъ, помоги мальчику.

И такой же мальчикъ, какимъ былъ тогда Коля, только крѣпче Коли и рослѣе, загорѣлый, съ темными мозолистыми руками, отобралъ отъ Коли узлы, взялъ у Натальи Георгіевны чайникъ и пошелъ проталкиваться по сходнѣ. Старикъ забралъ отъ Натальи Георгіевны корзину и чемоданъ и повелъ ее за собою. Онъ устроилъ ей и Галинкѣ уголокъ въ дамской каютѣ, онъ доставалъ ей провизию, а его внукъ — Абрамъ — вездѣ помогаль ему и услуживаль Колѣ.

Вмѣстѣ прибыли они въ Константинополь, вмѣстѣ странствовали по Болгаріи и Сербіи и, наконецъ, вмѣстѣ добрались до Парижа. Тутъ уже не Мантыки помогали Ладогинымъ, а Ладогини со знаніемъ французскаго и англійскаго языковъ помогли и старому Мантыку и его внуку устроиться на работу.

Молодой Мантыкъ, еще въ Сербіи научившійся управлять машиной, съ рекомендательнымъ письмомъ и розовой картой⁵ явился наниматься въ гаражъ. Его сопровождала какъ переводчикъ, Коля.

Хозяинъ гаража, полный, бритый французъ въ большихъ очкахъ въ черной роговой оправѣ недовѣрчиво посмотрѣлъ на четырнадцатилѣтняго Абрама и сказалъ, что мальчикъ слишкомъ малъ и ему не справиться съ машиной. Коля перевелъ слова хозяина Мантыку. Абрамъ усмѣхнулся, подошелъ къ грузовику, подперъ широкимъ плечомъ подъ кузовъ машины и приподнял ее.

— Знай нашихъ! Уральскихъ казаковъ!

- Ça va⁶), — воскликнулъ изумленный французъ.

— Ладно, — пробурчалъ сквозь зубы Абрамъ. — Я то совсѣмъ не сова, а ты, братъ, на филина очень даже похожъ!

Абрама приняли шофферомъ на легкій грузовикъ, а его дѣда устроили въ тотъ же гаражъ ночнымъ сторожемъ.

Два года уже служили они у одного и того-же хозяина. Абрама полюбили за его живой, веселый нравъ и честность. Ему хозяинъ довѣрялъ самые цѣнные, самые дорогіе грузы и зналъ, что Абрамъ доставитъ все въ цѣлости, все аккуратно получить и никогда не потеряетъ, или не просчитаетъ ни одного сантимата.⁷

Дружба Мантыковъ съ Ладогиними не прекратилась, но, напротивъ, окрѣпла. Галинка горячо привязалась къ дѣдушкѣ и къ веселому, проворному Абраму, который когда-то, въ тяжкіе дни ухода изъ Россіи нянчили ее на пароходѣ, а теперь баловалъ чѣмъ только могъ, Коля нашель въ Абрамѣ добраго, сильнаго друга. Въ воскресные досуги вмѣстѣ бродили они по чужому Парижу, Абрамъ учился у Коли французскому языку, а Коля слушалъ рассказы Мантыка о его

дѣтствѣ въ глухой уральской станицѣ, о ловлѣ осетровъ, о скачкѣ по степи на крѣпкой киргизской лошаждѣ.

Но больше всего любили Галинка и Коля рассказы дѣдушки Мантыка о старой Россіи, о жизни въ Туркестанѣ, о Скобелевскихъ походахъ по песчанымъ пустынямъ, объ охотахъ на тигровъ.

Тогда, будто раздвигались стѣны тѣснаго номера отеля «Селектъ», стихаль немолчный шумъ и гулъ парижскихъ улицъ, иное небо разстилось за окномъ, небо глубокое, синее и знойное, съ неистово пекущимъ солнцемъ и видѣлась старая, великая Императорская Россія. Какъ продвигалась она за казаками въ песчанья пустыни центральной Азіи, какъ несла свѣтъ христіанской любви полудикимъ туркменамъ, киргизамъ и сартамъ, какъ научала любить бѣлыя рубахи туркестанскихъ стрѣлковъ и казаковъ и ихъ великаго, таинственнаго, Бѣлаго Царя.

И любимѣйшими рассказами были рассказы про дѣда дѣдушки Мантыка, знаменитаго охотника на тигровъ, уральскаго казака Мантыка.

— Вотъ и они, — закричала Галинка, прислушиваясь къ шагамъ на лѣстницѣ. — Слышишь, Коля, дѣдушка Селиверстъ Селиверстовичъ покашливаетъ.

Въ дверь постучали.

— Идите! идите! дѣдушка! — крикнула Галинка.

Въ опрятномъ сѣромъ пиджакѣ, въ рубашкѣ съ мягкимъ воротничкомъ, старый Мантыкъ былъ очень хорошъ. Сѣдая красивая борода закрывала вырѣзь пиджака. Усы нависли надъ губами. Бѣлые волосы были еще густы и аккуратно расчесаны на двѣ стороны. Темные глаза блестѣли изъ густыхъ рѣсницъ, и весь дѣдушка былъ благостный, сіяющій. Онъ напомнилъ Галинкѣ лики иконъ. Такіе же, должно быть, были Русскіе святыи, о комъ рассказывала мама: св. Николай Чудотворецъ, св. Сергій Радонежскій, св. Серафимъ Саровскій, св. Митрофаній Воронежскій — такіе же тихіе, добрые и ласковые, съ сѣдыми Русскими бородами, въ сѣдыхъ усахъ.

Абрамъ былъ въ синей шофферской блузѣ и непромокаемомъ пальто. Онъ не успѣлъ переодѣться послѣ работы и только тщательно помылся. Онъ снялъ пальто, сложилъ его и положилъ въ углу. Селиверстъ Селиверстовичъ досталъ изъ поды полы пиджака свертокъ и подаль Колѣ.

— Конфетовъ барышнѣ нельзя, а мамаша сказала фруктовъ можно немного, — сказалъ онъ.

— Дѣдушка! Зачѣмъ такое баловство! — совѣмъ какъ взрослая, сказала Галинка.

— Чайку, Селиверстъ Селиверстовичъ, — предложилъ Коля. — Видите, уже кипить.

— Спасибо, Коля.

Дѣдушка сѣлъ на стулъ у окна, Абрамъ усѣлся по турецки на полъ, рядомъ съ нимъ устроился Коля, на стулѣ подлѣ Галинки положили груши, принесенныя Селиверстомъ Селиверстовичемъ. Дѣдушка выпилъ чашку чая и протянулъ ее Колѣ. Коля налилъ вторую. Дѣдушка, какъ всѣ степняки, любилъ чай.

— Дѣдушка, — сказала просительно Галина, — расскажите намъ еще разъ про стараго Мантыка. Какъ онъ погибъ на тринадцатомъ тигрѣ.

Галинка не разъ уже слышала этотъ рассказъ, и ей всегда казалось страннымъ,

что Мантыкъ, дѣдушкинъ дѣдъ, погибъ на тринадцатомъ тигрѣ. Не на двѣнадцатомъ и не на четырнадцатомъ а именно на тринадцатомъ. Будто и правда, тринадцатое число не хорошее, не счастливое число: — «чортова дюжина».

— Да, кубыть, я уже это рассказывалъ, — поглаживая бороду широкою ладоною, склзалъ Селиверсть Селиверстовичъ.

— Дѣдушка, ну, миленькій, еще разъ. Я же теперь больная... Мнѣ надо немного разсѣяться.

Селиверсть Селиверстовичъ улыбнулся, и обѣими ладонями, по восточному, провелъ по лицу и по бородѣ. Галинка любила этотъ дѣдушкинъ жестъ — медленный и важный, и вмѣстѣ съ тѣмъ нривѣтливый. Дѣдушка ей объяснилъ, что такъ дѣлають мусульмане, чтобы показать, что они довольны хозяиномъ, сыты и благодущны.

— Только, дѣдушка, пожалуйста, съ самаго начала, съ перваго тигра, какъ все было въ Сырь-Дарьинской пустынѣ.

— Ну, инъ быть по твоему. Погасите-ка, хлопцы, электричество. Такъ ладнѣе будетъ.

Сначала стало совсѣмъ темно. Потомъ въ окно тихо вошелъ свѣтъ: — отсвѣты городскихъ огней. И стало казаться тихо. Галинка не слышала городского шума. Въ сумраке, скрадывавшемъ углы, чуть намѣчались фигуры брата и Абрама, и Галинкѣ казалось, что они сидятъ не на полу въ гостинничномъ номерѣ отеля «Селектъ», а на пестрыхъ, цвѣточныхъ коврахъ въ киргизской круглой юртѣ, сложенной изъ кошмъ, что тамъ въ углу блестятъ не краны умывальника, а поблескиваетъ мѣдный мангалъ съ дымными угольями, пахнущими ладаномъ и что за тонкимъ завѣсомъ верблюжьей кошмы ихъ стережетъ безкрайняя азиатская пустыня.⁸

Въ темномъ небѣ тихо мигаютъ безчисленныя звѣзды. И гдѣ то таинственно шумить и что-то шепчетъ высокой, густой камышь, обступившій широкой, въ семь верстъ, половою, медленно текущую и плещущую желтыми волнами рѣку Сырь-Дарью.

Тамъ бродилъ знаменитый уральскій казакъ — Мантыкъ, охотникъ на тигровъ.

Знаменитый...

Галинка то знаетъ!.. Ей мамочка рассказывала, и въ школѣ учили про Геркулеса. Героя древности, что руками разодралъ пасть Немеяского льва. И мама открытку показывала Петергофскаго фонтана «Геркулесъ». Ужась, какой сильный былъ Геркулесъ. Но то, когда было!

Еще Коля читалъ книжку про Жерара, французскаго охотника на львовъ. Онъ съ прекрасными англійскими ружьями, изъ засады, охотился въ Африкѣ на львовъ. Его тоже, какъ Мантыка, растерзалъ, однажды, левъ. Сколько книгъ про него написали!

Про Мантыка писали немного. А онъ ходилъ одинъ на одинъ на тигровъ, которые страшнѣе льва. Ходилъ съ простой Тульской двустволкой, заряжающей-ся съ дула, съ ножомъ на поясѣ. Ходилъ, и, какъ Геркулесъ, руками душилъ тигровъ...

И жутко, и страшно, и радостно было слушать Галинкѣ эти рассказы Селиверста Селиверстовича про русскаго казака — уральца Мантыка, что былъ похрабрѣе Жерара, и такой же сильный, какъ Геркулесъ!..

И при томъ-же — Русскій! Какъ мамочка, какъ дѣдушка Селиверсть Селиверстовичъ, какъ Коля и Абрамъ, какъ она — Галинка!

Коля что то шепталъ Абраму.

— Ахъ, Коля, — сморщилась Галинка, — тише вы. Слушаемъ дѣдушку! Ставили Русскіе по той степи крѣпости-городки.

III

МАНТЫКЪ, ОХОТНИКЪ НА ТИГРОВЪ

— Какъ рассказать то вамъ про тамошнюю нашу жизнь? — началъ Селиверсть Селиверстовичъ. — Поймете-ли вы меня? Увидите ли вы степи безкрайнія, песчаную пустыню, лѣсъ камышей... такія мѣста, гдѣ, можетъ быть, съ самаго сотворенія міра нога человѣческая не ступала. Вы вѣдь вонъ какіе! Горожане! Съ Абрамомъ то по городу пойдешь, а онъ на машины мелькомъ глянетъ, а каждую признаетъ — будто знакомаго человѣка по его облику. Это, моль, Фордъ, а то Рольсъ-Ройсь, Бенцъ, а тамъ Мерседесъ, или Ситроенъ этотъ самый⁹... Вамъ аэропланы ничто... А слети туда какой-нибудь Фарманъ¹⁰ — какъ бы еще за діавола не приняли и не замордовали киргизы... А уже, что напугались бы до полусмерти, такъ уже такъ! Вамъ, вогъ, кажется, что и лошади не нужны: — вездѣ, моль, машины пойдутъ, самолеты полетятъ, а тамъ: — все на лошадахъ. Лошадь, да верблюды — первые друзья человѣка. И поятъ и кормятъ и одѣвають они киргиза. Отъ лошади берутъ молоко и дѣлаютъ вкусный, терпкій, бодрящій, какъ вино, кумысь, и саму ее, грѣшнымъ дѣломъ, зарѣжутъ и съѣдятъ, отъ верблюда шерсть берутъ, кошмы валяютъ, изъ нихъ кибитки дѣлаютъ, ковры плетутъ, подстилку на постели, одѣяла. Онъ, верблюды-то — прямо, можно сказать, кругомъ одѣваетъ человѣка. Ну и еще бараны, козы и коровы... Это — стада, какъ пригонять со степи, да пойдеть подлѣ кибитокъ ржанье, да мычанье, да бляеніе, да заревуть верблюды — что твоя парижская опера! Такой концертъ — лучше не надо! Тутъ въ Европѣ — капиталъ: — машины, фабрики, или просто пачки цвѣтныхъ бумажекъ, положенныя въ банкѣ, - тамъ капиталъ — табуны лошадей, да стада разнаго скота и верблюдовъ. И беречь ихъ надо и отъ лиховаго человѣка и отъ звѣря — отъ тигра. Повадится тигръ овецъ, или коровъ таскать — въ мѣсяцъ разорить богатаго киргиза хозяина. А поймать или убить его — какъ поймаешь? Онъ самъ за киргизомъ не прочь поохотиться. А уже, какой тигръ человѣчины попробоваль, «людоѣдомъ» сталь — тотъ такой дѣлается опасный, что просто хотъ за сотни верстѣ бѣги отъ него. И теперь это край еще дикій и пустынный, хотя и чугунка прошла черезъ него — отъ Каспійскаго моря, отъ города Красноводска на Ташкентъ и далѣе, а тогда, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда только-только занимали Русскіе этотъ край, тамъ и совѣмъ было жутко.

Ночь настанетъ темная, безъ мѣсяца, вызвѣздить яркими звѣздочками, горитъ Божье небо огоньками, переливается, а внизу въ камышахъ жуть ходить. Зашуршать камыши. Что тамъ? То-ли вѣтеръ набѣжалъ, колыхнулъ сухими метелками, то-ли тигръ крадется, или лихой человѣкъ подползаетъ.

Часовой на посту стоитъ, — крикнетъ: — «стой, кто идетъ? что пропускъ?», — а у самого сердце замреть, ажъ упадетъ куда то, похолодѣютъ ноги. И нѣтъ отвѣта... А бывало... вмѣсто отвѣта — прыгнетъ тигръ и на смерть задеретъ часоваго.

Ставили Русскіе по той степи для обороны, для опоры мирнымъ киргизамъ

крѣпости — городки. Ставили ихъ изъ камня, изъ земли, да глины, бѣлили стѣнки и далеко на золотистой степи серебромъ горѣли стѣны тѣхъ городковъ и надъ главными воротами, на еысокомъ шестѣ — флаштокъ развѣвался Русскій бѣло-сине-красный флагъ. Опора, надежда и спасенье для всякаго подданнаго Русской державы.

Вотъ такъ-то, въ 1847-Мъ году, оренбургскій генераль-губернаторъ Обручевъ на мысу, вдающемся въ разливы рѣки Сырь-Дарьи, въ семидесяти верстахъ отъ Аральскаго моря, на правомъ берегу рѣки, построилъ такой городокъ-укрѣпленіе для защиты Русскихъ киргизовъ отъ набѣговъ хивинцевъ и коканцевъ. На этомъ мысу раньше стояла бѣлая глинобитная постройка — часовня съ круглымъ куполомъ. Это былъ памятникъ на могилѣ киргизскаго «батыря¹¹» Раима. Отъ того и укрѣпленіе тогда назвали Раимскимъ. Потомъ его переименовали въ Аральское, затѣмъ перенесли на пятьдесятъ верстъ вверхъ по рѣкѣ Сырь-Дарьѣ и назвали форть № 1. Теперь это цѣлый городъ — Казалинскъ.

Въ Раимскомъ укрѣпленіи поставили гарнизонъ: — батальонъ пѣхоты — линейцевъ съ синими погонами, взводъ артиллеріи — двѣ бронзовыя пушки и сотню Уральскихъ казаковъ. Въ эту сотню попалъ и дѣдъ мой — Мантыкъ. Не родной дѣдъ, а троюродный.

Кругомъ пески, да солонцы. Днемъ на солнце, больно смотрѣтъ. Блестять, словно зеркало, солонцы. Надъ землею, на горизонтѣ дрожить лиловое марево и чудятся въ немъ миражи. Города бѣлостѣнные, роши зеленыя. На дѣлѣ нигдѣ ни дерева, ни куста. Сѣрой раскорякой ползеть саксауль,¹² жесткими, сѣро-зелеными щетками пробивается верблюжья травка, да вдалекѣ, надъ Сырь-Дарьєю, золотую стѣною стоятъ сухіе камыши, сѣрбють, голуббють сухими, пыльными метелками. Надъ Сырь-Дарьєю кое гдѣ поднимаются песчаные холмы — барханы, поросшіе сѣрымъ колючимъ кустарникомъ, названнымъ за свою цѣпкость — «подожди немного». Почта приходила рѣдко. Гарнизонъ стоялъ безсмѣнно два года. Лютая скука одолѣвала чиновъ гарнизона. Она была бы созсѣмъ нестерпимой, если бы не выручала — охота. А охота была по истинѣ царская. Въ заросляхъ «подожди немного» и въ камышахъ въ изобиліи водились фазаны. Оттуда выскакивали красноватые, мелкіе туркестанскіе зайцы, а немного ниже, гдѣ у береговъ Сырь-Дарьи, образовались грязные, топкіе затоны — водились дикія свиньи, кабаны, бывавшіе иногда величиною съ добрую лошадь. Въ густыхъ камышевыхъ заросляхъ устраивалъ свое логово царь мѣстныхъ звѣрей, громадный среднеазиатскій тигръ, родной братъ королевскому тигру, водящемуся въ Индіи.

Охота на кабана была опасной. Раненый кабанъ бросается на охотника и можетъ своими крѣпкими клыками убить человѣка и лошадь. Но самъ кабанъ никогда не кинется на человѣка, а уходитъ отъ него. Другое дѣло — тигръ. Тигръ, если замѣтитъ, что на него охотятся, самъ обходитъ человѣка и старается схватить его сзади. При этомъ, когда человѣкъ идетъ по камышамъ, онъ съ трудомъ продирается черезъ нихъ, шуршитъ ими и шумитъ, съ трескомъ ломая стволы, тигръ же быстро крадется, извиваясь гибкимъ тѣломъ между камышей, неслышный и часто совсѣмъ невидимый. И потому на тигра охотились цѣлыми командами, по двадцать, тридцать человѣкъ, гдѣ одинъ выручалъ другого.

Мантыкъ охотился на тигра одинъ.

Мантыкъ былъ высокаго роста, крѣпкій, сильный, мускулистый и красивый.